

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470+571)"17/1917":070

ДЕКАБРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

А.В. Гноевых

Институт Российской истории РАН, 603122, Н.Новгород ул. Ванеева 102 Кв. 32
uchenko19861@gmail.com

Публицисты и ученые, сотрудничавшие в журнале «Русское богатство», внесли серьезный вклад в разработку такой темы, как история декабристского движения. Для них было характерно восхваление личностных качеств декабристов (храбрости, верности идеалам и патриотизма). В трактовке декабризма «Русское богатство», орган умеренного неонародничества, занимало промежуточное положение между радикальным журналом «Былое» и либеральным «Вестником Европы».

Ключевые слова: декабристы, радикализм, интеллигенция.

«Русское богатство» более сорока лет было одним из самых популярных литературно-публицистических журналов России, которому отдавали свои симпатии широкие круги разночинной интеллигенции. На рубеже XIX и XX в. он стал выражать настроения неонародников умеренного и центристского крыла, отстаивая программу демократического обновления страны. После смерти в 1904 г. многолетнего главного редактора этого журнала, выдающегося общественного деятеля Н.К. Михайловского его место занял видный писатель-демократ и общественный деятель В.Г. Короленко, сумевший использовать либерализацию общественно-политической жизни России накануне и в ходе Первой русской революции для значительного оживления работы этого издания. Там в частности периодически публиковались статьи и рецензии, отражавшие различные течения отечественной общественной мысли. Не обошел журнал своим вниманием и историю декабризма, с которого, в сущности, и началось освободительное движение в России XIX – XX вв., хотя радикализм героев 14 декабря 1825 г. был чужд членам редакции журнала и возникшей в 1906 г. Народно-социалистической партии, литературным органом которой он стал.

И, хотя идеология неонародников и взгляды декабристов имели не так много точек соприкосновения, «Русское богатство» не могло не откликнуться на программу и конкретно-практическую деятельность этого яркого общественного движения. Более того, указанная тема выступила индикатором идейной эволюции как неонародничества в целом, так и «Русского богатства» в частности.

Единственной в постсоветской историографии работой, в которой специально рассматривалась поставленная в настоящей статье проблема, является исследование Е.Б. Васильевой «Образ декабриста на страницах либеральной прессы второй половины XIX – начала XX в. (по материалам журналов «Вестник Европы» (1866 – 1917) и «Русское богатство» (1876 – 1918)», увидевшее свет в 2008 г. и ставшее впоследствии главой ее диссертации.

Сразу же могу сказать, что просчет автора этой работы заключается в тематическом объединении двух существенно различающихся по своим идеологическим установкам печатных органов, «Русского богатства» и «Вестника Европы», стоявшего на позициях умеренного либерализма. Из авторов, писавших о декабризме в «Русском богатстве», внимания в статье удостоиваются Н.А. Котляревский («Литературная деятельность декабристов»), В. Г. Короленко («Легенда о царе и декабристе»), В. И. Семевский («Очерки истории социальных и политических идей декабристов»), хотя публикаций на эту тему в журнале было больше.

Васильева выделяет три ипостаси, в которых на страницах этих изданий предстают декабристы: 1) декабристы как политические деятели, воспринявшие западные политические идеи, но соотносящие их с русскими национальными интересами; 2) декабристы как значимые политические

фигуры в истории России; 3) декабристы как лица, несправедливо пострадавшие от власти за свои убеждения и поэтому нуждающихся в понимании и оправдании. Упоминается также вклад декабристов в формировании русской национальной поэзии [Васильева, 2008, с. 45].

В актив Васильевой можно записать саму постановку вопроса о степени оригинальности взглядов декабристов (просто заимствование или нечто более самобытное). Ответ на него показателен, ибо все российские охранители начиная с М.А.Корфа упорно отмечали, что декабристская идеология является чем-то наносным и корней в национальной жизни не имеет. Касаясь же политических убеждений декабристов, Васильева прослеживает эволюцию в трактовке декабризма в указанных журналах : «1. Начало 1870-х гг. – когда в либеральной публицистике формируется основной содержательный элемент образа декабриста – *декабрист как реформатор*. 2. В 1880-е гг. преобладающей темой в декабристоведении становится литературная деятельность декабристов, в результате чего актуализируется образ декабриста *как истинно русского человека, романтика, певца русской культуры*. В политическом плане декабристы не рассматриваются как серьезные политики. В начале 1900-х гг. наблюдалось возвращение к образу декабриста *как человека, несправедливо пострадавшего за свои убеждения*. Актуализируется и тема декабристов *как борцов за освобождение крестьян* [Васильева, 2008, с. 48]. При этом подчеркивалось, что свою приверженность делу освобождения крестьян декабристы доказали на деле, как в деятельности тайных обществ, так и во время подготовки Крестьянской реформы 1861 г.

Данная трактовка нам кажется крайне поверхностной, не говоря уже о том, что эволюция образа декабриста в начале XX в. (в частности, на страницах «Русского богатства») заслуживает отдельного рассмотрения – особые этапы можно выделить даже на временном отрезке в 10 лет.

Что делает декабристскую тематику в «Русском богатстве» интересной для современного исследователя?

По-первых, при обсуждении ее четко проявляется отрицательное отношение легальных народников к насилию как движущей силе общественного прогресса. Во-вторых, между наиболее ранними из публикаций, касающихся декабризма (статьями В.А. Мякотина), и произведением А.С. Пругавина о князе Ф.П. Шаховском прошло почти десять лет, так что данная тематика может служить своеобразным индикатором идейной эволюции журнала, живо откликавшегося на события общественно-политической жизни России того времени. В-третьих, возникает множество более конкретных, но принципиально важных вопросов, которые не только интересны в историческом плане, они могут активизировать мысль современных исследователей.

Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, необходимо охарактеризовать историографическую ситуацию вокруг декабризма к началу XX в. Это позволит ответить на вопросы, что нового внесли публицисты журнала в понимание проблемы и в чем была специфика их видения.

Публицисты и ученые, группировавшиеся вокруг «Русского богатства», первопроходцами в разработке темы не были. К тому времени декабристам уже было посвящено множество исследований, на страницах «Колокола» и «Русского архива» еще в XIX в. печатались мемуары участников событий на Сенатской площади. Можно выделить три основных подхода к пониманию проблемы : охранительный (М.А.Корф, Н.Ф. Дубровин, Н.К. Шильдер и др.), базирующийся на признании декабризма глубоко враждебным исконно русским началам; либеральный (Н.И.Тургенев, А.Н.Пыпин), основанный на уравнивании декабристов и либералов Александровской эпохи; революционно-демократический, идущий от А.И. Герцена и позволяющий видеть в декабристах прямых предшественников. Как отмечает Р.А.Киреева, исследование декабризма профессиональными историками затруднялось из-за отсутствия доступа к секретным фондам архивов, где содержались, например, программные документы движения. Фонды были открыты только в 1905 г. [Киреева, 1978, с. 234].

Что же из опубликованного на страницах «Русского богатства» привлечет наше внимание?

Венедикт Александрович Мякотин, профессиональный историк, выпускник Санкт-Петербургского университета, стал автором цикла статей «Из истории русского общества», сначала напечатанных в журнале, а затем вышедших отдельной книгой в 1902 г. Этот цикл охватывает основные персоналии русской общественной мысли (либерального, консервативного и левого толка), от протопопа Аввакума до Михайловского. Нас интересует статья «Из Пушкинской эпохи», опубликованная в «Русском богатстве» в 1899 г.

Мякотин изучает эволюцию общественно-политических взглядов А.С.Пушкина – от юношеского вольнодумства до консерватизма 1830-х гг. Декабристы играют в его исследовании эпизодическую роль. По словам Мякотина, такие мотивы, как «симпатия к бесправным крепостным, признание за ними человеческого достоинства, резкий протест против обскурантизма, произвола», роднили молодого Пушкина с декабристами, хотя он не разделял их конкретной программы и никогда не состоял ни в одной из тайных организаций [Мякотин, 1899, с. 134]. Мякотин говорит о декабристах, стоявших «в передовых рядах русского общества», с несомненной симпатией. Историк упоминает «немалое нравственное мужество» И.И. Пущина, «оригинальный и выдающийся ум» П.И. Пестеля, «решительный характер и образованность» В.Ф.Раевского.

Возникновение недовольства в конце 1810-х гг. было, по мнению Мякотина, глубоко закономерно: во время Заграничных походов русской армии прогрессивные деятели России, ненавидевшие «закоснелость народа, жестокое обращение с солдатами, повсеместное лихоимство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще» были очарованы принципиально иными общественными устоями Европы. Интересно трактуется Мякотин роль низов в Отечественной войне: «Перед глазами владельцев крепостных душ, владельцев, более или менее уверенных в полном бессмыслии и равнодушии массы, внезапно выступил на историческую сцену народ, народ, самостоятельно поднявшийся на защиту Родины, для возбуждения своего патриотизма не нуждающийся в синодских увещаниях, ни в растопчинских афишках» [Мякотин, 1899, с. 136]. Данная цитата может служить опровержением мнения, которое было весьма распространено в исследовательской литературе и согласно которому народники полностью отрицали активность масс и отводили главную роль в истории только выдающимся личностям.

Главные декабристские организации описываются Мякотиним очень бегло. Члены Союза спасения, по его мнению, стремились «содействовать всем благим начинаниям правительства и частных лиц, обличать злоупотребления отдельных деятелей, распространять просвещение и улучшать общественные нравы путем личного примера и пропагандой гуманных идей» [Мякотин, 1899, с. 145]. Главной же целью общества, не носившего пока заговорщического характера, «было изменение политического строя России и введение в ней представительных учреждений». Конкретных путей для достижения этого, писал Мякотин, предложено не было.

Как видим, Мякотин придал Союзу спасения куда более невинный вид, чем было на самом деле, ведь в обществе выдвигалось требование уничтожения крепостного права, а наиболее радикальная его часть вынашивала планы устранения Александра I (о чем Пушкину было известно).

По мере того как правительство все дальше отходило от либеральной линии начала царствования Александра I, Союз спасения перерастает в Союз благоденствия – организацию, требовавшую уже отмены крепостного права. Однако и она не шла дальше «просветительских начинаний и устной пропаганды либеральных взглядов».

Следует отметить, что в обществе циркулировали и довольно радикальные идеи: установление республики, допускались даже диктатура и цареубийство (инициативы Пестеля отвергнутые большинством). О программах Северного и Южного обществ, уже ставивших, по словам Мякотина, своей целью насильственный переворот, говорится немного: «Пестель составил план республиканского устройства с широкими демократическими основами, с некоторым даже социалистическим оттенком», а Муравьев «написал проект государственных учреждений для конституционной монархии с народным представительством, ограниченным поначалу имущественным цензом» [Мякотин, 1899, с. 151].

Обратившись к другим статьям Мякотина, принадлежавшим к этому же циклу, интересно проанализировать трактовку им связи между А.Н. Радищевым (известным радикалом) и декабристами (это утверждение было общим местом в советской исторической литературе), а равно соотношения декабризма и либерализма 1830 – 1840-х гг. (Грановский и Кавелин). Мякотин не упоминает о влиянии на декабристов Радищева, хотя и говорит, что его произведения имели широкое хождение в России, а также отрицает всякую преемственность между декабризмом и освободительным движением последующего периода.

Перу Нестора Александровича Котляревского (впоследствии первого директора Пушкинского Дома) принадлежит цикл статей «Литературная деятельность декабристов», созданный в 1901–1905 гг.

Последовательность написания статей показательна: начав с Кюхельбекера и Одоевского,

фигур в декабристском движении второстепенных, Котляревский по мере накала ситуации в стране переходит к деятельности Бестужева-Марлинского и, наконец, Рылеева (в 1905 г. становится возможным довольно подробное описание общественно-политических взглядов последнего). Повествование свое Котляревский начинает с фразы: «Вспышка политической мысли, перешедшая с необычайной быстротой в решительное действие, вырвали из рядов нашего немногочисленного образованного общества много даровитых людей и среди них нескольких поэтов» [Котляревский, 1901, с. 124]. В.К.Кюхельбекер предстает перед нами как энтузиаст и патриот (особым литературным дарованием, однако, не обладавший и сильно зависящий в своем творчестве от западных образцов). А.И.Одоевский показан как «либерал Александровской формации», «сердце которого было обильным источником любви, гражданин, страстно любивший родину». Говоря о принципиальности князя-декабриста, Котляревский делает очень показательный вывод: «такая устойчивость мировоззрения вытекала из веры в правильность тех основных гуманистических взглядов и тех политических идеалов, которые заставили его встать в ряды недовольных, и история оправдала эту веру тем, что в 60-х годах выполнила часть данной программы» [Котляревский, 1901, с. 234]. Н.А. Котляревский упоминает поэму Одоевского «Василько», где есть трогательная сцена отеческой беседы князя и народа («князь демонстрирует душевную благодать, а народ – свойственную ему покорность и сметливость»).

Александру Александровичу Бестужеву (Марлинскому), «одной из наиболее ярких личностей своей эпохи», Котляревский посвящает статью из трех глав.

Она интересна помимо прочего и тем, что позволяет выявить приемы описания публицистами «Русского богатства» генезиса личности тех или иных деятелей. Русские марксисты (начиная с Г.В.Плеханова и кончая сотнями тысяч рядовых обществоведов советской эпохи) грешили вульгарным социологизмом: по их мнению, особенности характера и поведения выдающихся личностей определялись их классовым происхождением. Индивидуальные особенности зачастую предавались забвению. Подход Н.А. Котляревского был принципиально иным: истоки личности Бестужева он ищет в условиях его воспитания. Дело в том, что будущий декабрист родился в очень образованной семье, где было много книг, а отец его был прогрессивным деятелем Екатерининской эпохи. Нигде нет привязки мотивов творчества Бестужева к его дворянскому происхождению.

Котляревский пишет, что в додекабрьский период у Бестужева «нет никаких намеков на даже самый общий либерализм... В лице его мы не имеем человека, для которого политика была бы потребностью ума, а политическая деятельность потребностью темперамента» [Котляревский Н.А., 1904, с. 57]. Упоминается, однако, участие Бестужева в событиях на Сенатской площади. По словам Котляревского, Бестужев был убежден в «ничтожности» Северного общества и даже хотел удалиться от него. Период политической экзальтации длился, таким образом, три недели (с 27 ноября до 14 декабря).

Самому выдающемуся из декабристов – Кондратию Рылееву – Котляревский посвящает наиболее радикальную из своих статей. Опять-таки много внимания уделяется его воспитанию: он вырос в семье, состоящей из деспота отца и заботливой матери. Это пробудило в нем дух «самостоятельности и самообороны». В статье 1904 г. дается характеристика «Дум» Рылеева. Отмечается восхваление там Н.С. Мордвинова, деятеля, встроенного в структуры царской администрации, и Бориса Годунова, просвещенного монарха. Рылеев подается как сторонник конституционной монархии.

В статье 1905 г. Н.А. Котляревский рассказывает о последних годах жизни Рылеева и участии его в Северном обществе. Кратко характеризуется программа последнего: «постоянное правление с выборными от народа, уравнение воинской повинности между сословиями, местное самоуправление, гласность суда, свобода печати, отмена крепостного права». Упоминаются уже и планы царевбийства. Сам Рылеев, по мнению Котляревского, был скорее романтиком, чем практическим деятелем, в то время как другие руководители Северного общества были совершенно не «политическими и не организационными головами» [Котляревский, 1904, с. 44]. Рылеев в успех восстания не верил и себя называл «бесполезной жертвой».

В 1907 г. книга Котляревского выходит отдельным изданием, куда входят только статьи об Одоевском и Бестужеве, но позиции Котляревского остаются неизменными. Таким образом, нельзя сказать, что попытка исследователя показать ряд декабристов бунтарями натолкнулась на позицию редакторской группы «Русского богатства».

Статья известного литературного критика Аркадия Георгиевича Горнфельда «Русские женщины Некрасова в новом освещении» была опубликована в 1904 г.

В воспоминаниях Марии Николаевны Волконской – жены Сергея Григорьевича Волконского – автор находит подтверждение правдивости сюжета поэмы Некрасова «Русские женщины», рассказывающей о героизме двух декабристок – Е.П.Трубецкой и М.Н.Волконской. Дело в том, что в свое время Некрасова упрекали в надуманности сюжета и несоответствии его реальной истории. Исследование Горнфельда показало, что Волконская действительно пошла на конфликт с семьей и окружением и претерпела немалые лишения в Сибири. При этом политические идеи декабристов не рассматриваются, восхваляются человеческие качества их спутниц жизни. Горнфельд приводит слова княгини: «Действительно, если даже смотреть на убеждения декабристов, как на безумие и политический бред, все же справедливость требует признать, что тот, кто жертвует своей жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову свою за свои убеждения, тот истинно любит отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело свое» [Котляревский, 1905, с. 46].

Смелым поступком редакторов журнала можно считать публикацию в 1904 г. «Записок декабриста» Н.И. Лорера, непосредственного участника событий 1825 г. Николай Иванович Лорер был сподвижником Пестеля и членом Южного общества. Его мемуары предварительную цензуру не прошли и были изданы с существенными купюрами, чтобы сделать из этого декабриста фигуру, более приемлемую для самодержавной власти. Изъяты были, например, описание участия Лорера в Кавказской войне, ситуация вокруг смерти Лермонтова и нелестные характеристики Николая Первого, в частности, такая:

«Как я жестоко в нем обманулся, однако ж! Будучи так молод, - а молодости свойственна гуманность, человечность, - я думал, что он совсем иначе будет со мною говорить, языком человечества, а не бригадного командира" [Четверо о незабываемом..., 1988, с. 456].

Почему выбор издателей остановился на мемуарах Лорера, а не на чьих-либо других. Дело в том, что Лорер позиционирует себя как умеренного конституционалиста и высоко отзывается о царе Александре:

«Про себя скажу откровенно, что я не был ни якобинцем, ни республиканцем, - это не в моем характере. Но с самой юности я ненавидел все строгие насильственные меры! Я всегда говорил, что Россия должна остаться монархией, но принять конституцию» [Горнфельд, 1904, с. 57].

Автор воспоминаний не касается вопроса о корнях и закономерности декабристского движения. Николай Лорер был привлечен в тайное общество Евгением Оболенским, сказавшим, что цель организации есть всего лишь «споспешествование добродетели и просвещению». Тем не менее, в тексте мемуаров встречается и чрезвычайно лестная оценка Павла Ивановича Пестеля: «Зато я не знаю чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках. 12 лет писал <он> свою «Русскую правду». Я несколько раз прочитывал эту конституцию для России и помню, что вступление было написано увлекательно, мастерски, да и вообще чего, кажется, не сообразил этот человек, принаравливаясь к русским нравам?» [Лорер, 1904, с. 14]. Правда, эта оценка сопровождается замечанием осторожного Лорера о чрезмерном честолюбии Пестеля и опасности последнего для движения (он, дескать, метил в диктаторы).

Таким образом, даже из радикально настроенных южан избирается один из самых умеренных.

С эпохой Первой русской революции было связано общее полевание журнала. Он освобождается от предварительной цензуры (1905 г.). В 1907 г. появляется ряд смелых статей общественно-политической тематики: «Сорочинская трагедия» В. Г. Короленко, «Люди нашего круга» С.Я. Елпатьевского и др., что порой приводит к конфликтам с цензурой и ставит журнал под угрозу закрытия.

Вполне закономерной в этой связи становится публикация обширной работы историка Василия Ивановича Семевского «Очерки истории политических и социальных идей декабристов» (1907–1908 гг.). Впервые в журнале представлен всесторонний анализ политической составляющей декабризма. «Недовольство русской интеллигенции существующим политическим строем, мерами правительства во внутренней и внешней политике, пробуждение сознательного отношения ко всем отрицательным сторонам современной жизни было результатом влияния непосредственных наблюдений во время Заграничных походов, влияния воспитания, чтения литературных и научных

произведений, изучения конституций царства Польского, западноевропейских государств и США и влияния тайных обществ и революционного движения Европы» [Семевский, 1907]. Таким образом, впервые указывается на закономерность и глубочайшие корни движения, предпосылок которого, как считалось ранее в консервативных кругах, не было в русской действительности.

Хочется поддержать Г.А. Невелева в том, что для Семевского был характерен многофакторный подход, общий для всех народников [Невелев, 1975, с. 155]. Действительно, в работе Семевского не говорится о том, что же сыграло в вызревании декабризма главнейшую роль – просчеты ли Александра I, экономический ли кризис, поразивший общество или появление вольнолюбивых мотивов в отечественной и иностранной литературе: учитываются все эти причины и среди них не выделяется преобладающей.

Семевским привлекается огромное количество источников самых разных типов, так как в 1905 г. для историков открываются секретные фонды Государственного архива, в том числе содержащие программные документы декабризма.

В многочисленных работах, посвященных творчеству В.И. Семевского, нет обстоятельного ответа на вопрос о месте ученого среди историков народнического направления, в частности, до сих пор неясно соотношение его методологии с субъективным методом Н.К. Михайловского. Общим местом стало утверждение о том, что Семевский трактует декабризм как течение надклассовой интеллигенции, что представляется народническим постулатом по духу. На этом настаивают исследователи разных поколений, начиная с П.И.Парадизова и кончая М.В. Нечкиной. Действительно, Семевский пишет, например, следующее: «Лучшие члены Северного общества не были проникнуты сословными и классовым взглядами. Это видно из признания всеобщей воинской повинности и равенства всех в несении налогов и в области гражданских прав» [Семевский, 1908, с. 123]. Тем не менее следует отметить, что Семевский приводит ряд свидетельств декабристов о том, что их идеология признавалась большинством дворян, и более того, указывает, что помещики (из среды которых вышел декабризм) были крайне недовольны экономическим кризисом, сложившимся к концу царствования Александра I.

Интересно также мнение Б.П. Балуева о Семевском как продолжателе традиции психологизма в исторической науке (завещанной Михайловским) [Балуев, 1995, с. 277]. В поддержку его можно указать на характеристику общественных настроений накануне создания первых декабристских организаций: Семевский анализирует чаяния различных слоев населения, описывает невероятные слухи, ходившие в народе.

Представляется, что четкого разделения философией, политической и общественной мысли Семевский не делает. Чтобы раскрыть смысл таких словосочетаний, как «общественные идеи», «общественное недовольство», надо определить понятие «общество», а его Семевский заимствует у Михайловского и других публицистов конца XIX в.: «общество» равнозначно «интеллигенции» [Блохин, 2001, с. 233].

В 1909 г. исследование вышло отдельной книгой. Интересно было бы сопоставить две его редакции. Однако данной процедурой пренебрегли в свое время Г.А. Невелев, автор статьи о декабристской тематике в творчестве В.И. Семевского, и Ю.М. Критский, рассказавший об отношениях историка и цензуры [Критский, 1975, с. 17].

В журнале в отличие от книги нет обзора концепций отечественных и зарубежных мыслителей, ратовавших за ограничение самодержавия (Прокопович, Верховников, Дидро, Радищев, Кречетов и др.), в той или иной мере явившихся предтечами декабристов. В издании 1909 г. Семевский довольно радикален: он находит элементы либерализма даже в учении записного охранителя Феофана Прокоповича (происхождение власти в результате общественного договора, возможность расторжения договора в случае порочности правителя и т.д.). Резкие выпады против крепостничества (стихи Рылеева и пр.) в журнале также опущены. Нет упоминаний о масонстве, хотя в книге верно-подданныческие русские масоны именуется «рабами царя», и особое внимание уделяется радикальным кругам масонов, выступавшим за свержение царизма. Кроме того, подчеркиваются идеи социального равенства и братства, заложенные в масонстве [Семевский, 1909, с. 457].

В журнале не представлен очерк историографии декабризма. В данном очерке Семевский показывает неполноту существовавших к началу XX в. трактовок декабризма, главным образом, правого толка, и подчеркивает скудость их источниковой базы. В книге же анализируются программные документы движения Пестеля «Русская Правда», которого Семевский называется гени-

альным, и «Конституция Никиты».

Что из инициатив декабристов упоминается на страницах «Русского богатства»? Идеи относительно суда присяжных, военной реформы, предусматривающей ограничение срока службы и равенство всех перед повинностью, свободы печати [Семевский, 1908, с. 45–111]. Догадаться, чем вызван такой выбор, несложно – все это было воплощено в жизнь в ходе правления Александра II.

Вывод Н.Л. Рубинштейна о невнимании Семевского к экономическому положению России в тот период (ошибочный, как нам кажется) представляет собой логичное продолжение тезиса о декабризме как явлении надклассовом – тезиса народнического [Гаврилов, 2006, с. 25]. Семевский анализирует состояние практически всех сословий страны к началу 20-х гг. XIX в., учитывая уровень их доходов.

Михайловский критиковал марксистов, порой считавших личность лишь функцией социального развития. Его последователь Семевский полагал, что большую роль в формировании общественного недовольства сыграл лично Александр Павлович Романов, в частности, своими русофобскими высказываниями [Семевский В.И., 1908, с. 7]. В ходе анализа историком действий царя нигде не указывается о выполнении последним воли дворян – он выступает как свободная от чьего бы то ни было влияния персона, а монархия в целом, таким образом, понимается как нечто надклассовое.

Подводя итог исследованию, Семевский пишет: «Революционная пропаганда декабристов должна была иметь самое благое влияние на русское общество. Возникает множество кружков, ставящих целью продолжение их дела, в том числе кружок Герцена и Огарева» [Семевский, 1908, с. 77].

Статья Владимира Галактионовича Короленко «Легенда о царе и декабристе» издается в 1911 г. А.Н. Муравьев, член раннедекабристских организаций, осуществляет идеалы своей молодости на посту нижегородского губернатора в 1860-е гг. Дворянство инициатив губернатора не поддерживает и даже слагает о нем бездарную до оскорбления вкуса поэму «Муравиада».

Возникают вопросы: насколько оказывала влияние позиция главного редактора? В какой степени он определял оценки других публицистов журнала?

В диссертации, защищенной в 1988 г., Т.А. Васильева делала вывод о том, что к началу 1910-х гг. неонародничество отказалось от одного из своих фундаментальных тезисов – понимания государства и интеллигенции как надклассовых феноменов, переродившись в буржуазное политическое течение [Васильева, 1988, с. 14.] . Однако на примере рассказа Короленко мы можем утверждать прямо противоположное, потому что Александр II показан там как носитель общенациональных интересов, вступивший во имя преобразований в конфликт с массой консервативно настроенных дворян [Короленко, 1911, с. 124]. А последние всегда считались классовой опорой царизма. Визит императора в Нижний Новгород накануне реформы принес победу либеральному меньшинству губернского комитета, занимавшегося разработкой проекта освобождения крестьян, над реакционным большинством. Не лишней в этой связи будет цитата из статьи Короленко «Разговор с Толстым. Максимализм и государственность» (1917 г.) , где говорится, помимо прочего, о невозможности решить земельный вопрос руками лишь крестьянства, невежественного и стоящего на узкоклассовой позиции. «Не ясно ли, что только государство с общегосударственной возвышенной точки зрения, при напряжении всенародного ума и вненародной мысли, может решить задачу широко и справедливо?» [Короленко, 1953, с. 177].

Статья известного историка Александра Степановича Пругавина «Декабрист Ф.П. Шаховской в Спасо-Ефимиевском монастыре» была опубликована в журнале также в 1911 г. В ней рассказывалось о трагической судьбе деятеля раннего декабризма князя Федора Петровича Шаховского: сосланный в Сибирь, он сошел с ума от тоски и окончил свой жизненный путь в стенах древнего суздальского монастыря. О своем герое Пругавин говорит так: «Русский народ и русская культура потеряли в лице Шаховского образцового и энергичного работника, с глубоким и страстным стремлением к свободе и просвещению, горячо желавшего быть полезным родине; при более благоприятных политических условиях из него, конечно, мог бы выйти весьма крупный общественный деятель, но молодой, образованный и энергичный, в полном расцвете сил (наряду с многими другими), он пал жертвой тех железных тисков, которыми давил Россию самодержавно-приказной режим» [Восстание декабристов..., 1976, с. 345]. Таким образом, самодержавие смело осуждается с статье как форма правления, что стало возможным в период думской монархии. Упоминание по-

литических условий, без которых реализация деятели немислима, опровергает расхожее представление о приверженности неонародников к культу героев, обладающих неограниченными возможностями творить историю. Федор Шаховской, оказавшись вдали от семьи и общества, морально погиб.

Князь Шаховской был одним из «выдающихся и передовых людей 20-х годов 19 века». Какова же была суть той передовой идеологии, которой придерживался Федор Петрович? Он был, напомним, одним из основателей «Союза Спасения» – т.е. «стремился к уничтожению крепостного права, к ограничению самодержавия и осуществлению тогдашних любимых идей: конституции, представительства народного, свободы книгопечатания, слова, всего того, что составляло существо прав в Англии и других землях» [Пругавин, 1911, с. 37]. Пругавин приводит цитату из сборника «Декабристы. 86 портретов», вступительную статью к которому писал В.А.Мякотин: «Стремясь к уничтожению крепостного права и ограничению самодержавия, тайные общества поначалу не предполагали решительного разрыва с правительством, подготавливая в сознании общества почву для реформ, которые могли бы быть проведены волею власти» [Пругавин, 1911, с. 48]. Крепостное право было отменено в 1861 г., а ограничение самодержавия было декларировано в ходе Первой русской революции. Пругавин выражает здесь типичное для легального народничества представление о государственной власти как источнике общественного прогресса.

Судя по всему, А.С. Пругавин трактует декабризм как движение надклассовое: донос на Шаховского был подан именно его собратями-помещиками, которым казались слишком смелыми проводимые князем меры: уменьшение оброка и передача в пользование крестьянам всей барской пашни.

Пругавин превозносит образованность князя и подробно описывает его библиотеку, в которой имелись книги на шести европейских языках.

Смело разоблачаются нарушения закона, допущенные в ходе следствия над декабристами. «Я вас сгною!» – кричал Николай декабристу Анненкову и этом же духе вели себя Бенкендорф, Левашев и другие участники процесса " [Пругавин, 1911, с. 49]. Естественно, ставится под сомнение объективность полученных таким образом показаний, а эти показания часто использовались охранителями для очернения декабристов, слабых духом и даже очернявших своих товарищей.

Для авторов «Русского богатства», занимавшихся указанной проблемой, было характерно стремление уйти от радикального элемента в декабризме и приблизить его к либерализму 60-х гг. Чем можно объяснить господство таких настроений? Полагаем, что размещению в журнале материалов подобной направленности способствовал в первую очередь В.Г.Короленко, главный редактор его начиная с 1904 г. и очень влиятельная фигура в период редакторства Михайловского. Его собственная позиция очевидна из рассказа о своеобразном союзе А.Н.Муравьева и Александра II. Солидарен в этом с ним и Котляревский. Из произведения Семевского, посвященного преобразовательным планам декабристов, публикуются лишь те фрагменты, которые были реализованы в 60 – 70-х гг.: о суде присяжных, военной реформе и свободе печати. Наиболее смелым исследованием является работа Семевского, в которой указывается на глубокую закономерность появления декабризма. Для журнала был характерен комплексный подход к изучению: литературное творчество, конкретные персоналии, политическая деятельность; публиковались как источники (мемуарного происхождения), так и научные исследования.

Что ставилось в заслугу декабристам? Главным образом личные качества, верность своим идеалам. Почти нигде нет порицания декабристов, хотя материала для него было предостаточно, например, в документах Следственной комиссии. Так, Семевский пишет, что М.П. Бестужев-Рюмин первые либеральные идеи почерпнул из трагедий Вольтера и работ сподвижника Наполеона де Прадта. Однако если обратиться к протоколу допроса декабриста, то мы увидим, что де Прадта он именовал пустословным, а о трагедиях Вольтера говорил, что они «к несчастью слишком рано попали ему в руки» [Восстание декабристов..., 1976, с. 345]. То есть налицо малодушие Бестужева-Рюмина перед угрозой наказания. Шаховской прямо говорит о нарушениях закона при допросе. Совершенно очевидна симпатия (возможно, в ущерб фактам) неонародников к декабристам [Пругавин, 1911, с. 58].

Следует, однако, отметить, что политическая доктрина наиболее радикальных декабристов (Пестель, Муравьев) подробно не освещалась. Не было, впрочем, и огульного осуждения ее. Сам ход восстания показан не был.

Каким образом декабристская тематика отражает идейную эволюцию журнала и неонародничества в целом? Представляется, что в трактовке этой тематики проявилась верность народников своим главным принципам. О надклассовости самодержавия писали Короленко и Семевский, о свободе интеллигенции (декабризм понимался как движение интеллигенции) от узкоклассовых интересов - Семевский и Пругавин. Говоря о генезисе личности своих героев, Котляревский никогда не упоминал о довлении их дворянского происхождения. Идея Пестеля об общинной устройстве части земельного фонда в журнале не освещалась – на это издатели не решились.

Необходимо все же отметить, что старая народническая идея об особом пути России более не привлекала публицистов журнала. Они писали о заимствовании декабристами западных моделей общественного устройства и подчеркивали культурную отсталость России от Европы. Преобразования декабристов должны были приблизить Россию к Европе и в плане развития капитализма, подобная инициатива так же не осуждалась.

Таково было видение многогранной проблематики декабризма представителями умеренного крыла российского неонародничества.

Можно сказать, что среди изданий демократического характера, сочувственно относившихся к декабризму, «Русское богатство» занимало промежуточную позицию. Понять суть данной позиции помогает сопоставление материалов журнала, с одной стороны, органом, с содержанием типично либерального «Вестника Европы» и журнала «Былое» – с другой. В исследуемый период в «Вестнике Европы» появилось всего три публикации, посвященные декабристам: статья В.И. Семевского о взглядах Н.И.Тургенева на крестьянский вопрос (1909) и биография В.Ф.Раевского, принадлежащая перу П.Е.Щеголева (1904). В них затрагивается лишь самый ранний, умеренный период движения. Журнал «Былое» за три года (1906, 1907, 1908) напечатал более 20 материалов указанной тематики. Обращает на себя внимание то, что анализируется само восстание (В.Е.Якушкин «Заметки А.Н.Сутгофа о 14 декабря», «Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 1825 года» и др.) и освещается деятельность его казненных вождей (статьи П.Е.Щеголева «Каховский» и «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола», «Пестель перед Верховным судом» Н.П.Сильванского). Таким образом, был показан весь радикализм декабристского движения, на что, как мы помним, издатели «Русского богатства» не решились.

Библиографический список

- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX-XX веков М., 1995.
- Блохин В.В.* Историческая концепция Николая Михайловского. М.: Плевел. 2001.
- Васильева Е.Б.* Образ декабриста в русской журнальной прессе конца XIX – начала XX века: дис.... канд. ист. Наук. Омск, 2008.
- Васильева Т.А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876-1916): дис. . канд. ист. наук. М., 1988.
- Восстание декабристов: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М., 1976. Т.5.
- Гаврилов С.В.* Научное наследие В.И.Семевского в советской историографической традиции // Изв. Горнфельд А.Г. «Русские женщины» Некрасова в новом освещении // Рус. богатство. 1904. № 4. *Киреева Р.А.* Изучение декабристского движения в дореволюционной историографической литературе // История и историки М., 1978.
- Короленко В.Г.* Легенда о царе и декабристе // Рус. богатство. 1911. № 2.
- Короленко В.Г.* Разговор с Толстым: Максимализм и государственность // Полн. собр. соч. М., 1953. Т.3.
- Котляревский Н.А.* Литературная деятельность декабристов. В.К.Кюхельбекер // Рус. богатство.1901. № 3.
- Котляревский Н.А.* Литературная деятельность декабристов. А.И.Одоевский // Рус. богатство. 1901. № 9.
- Котляревский Н.А.* Литературная деятельность декабристов. А.А.Бестужев-Марлинский // Рус. богатство. 1904. № 4.
- Котляревский Н.А.* Литературная деятельность декабристов. К.Ф.Рылеев // Рус. богатство. 1904. № 8.
- Котляревский Н.А.* Литературная деятельность декабристов. К.Ф.Рылеев // Рус. богатство. 1905. № 7.
- Критский Ю. М.* В.И.Семевский и цензура // История СССР. 1975. № 1.
- Лорер Н.И.* Записки декабриста // Рус. богатство. 1904. № 6.
- Мякотин В.А.* Из пушкинской эпохи // Рус. богатство. 1899. № 6.
- Четверо о незабываемом: мемуарная проза декабристов. М.: Правда. 1988.
- Невелев Г.А.* Тема декабризма в творчестве В.И.Семевского // История и историки. М., 1975.
- Пругавин А.С.* Декабрист Ф.П.Шаховской в Спасо-Ефимиевском монастыре // Рус. богатство. 1911. № 1.
- Семевский В.И.* Очерки общественных и политических идей декабристов // Рус. богатство. 1907. № 8.
- Семевский В.И.* Социальные и политические идеи декабристов. СПб, 1909.

Семевский В.И. Очерки социальных и политических идей декабристов // Рус. богатство. 1908. № 9. Урал. гос. ун-т. Гуманит. науки. 2006. № 41.
Семевский В.И. Очерки социальных и политических идей декабристов // Рус. богатство. 1908. - 1916 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.05.2012

THE DECEMBRIST MOVEMENT IN THE JOURNAL "RUSSIAN WEALTH" AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES

A. V. Gnoevyh

Russian History Institute, Vaneev st., 102, 32, 603122, Nizhny Novgorod, Russia
uchenko19861@gmail.com

Writers and scholars who worked in the journal "Russian Wealth" made a significant contribution to the history of the Decembrist movement. They praised personal characteristics of the Decembrists (courage, loyalty to ideals and patriotism). In its interpretation of the Decembrists "Russian Wealth" as the tribune of moderate new Narodnichestvo occupied an intermediate position between the radical "The Past" and the liberal "Herald of Europe".

Key words: Decembrists, Radicalism, intelligentsia.

References

- Baluev B.P.* Liberal'noe narodnichestvo na rubezhe XIX–XX vekov. М., 1995.
Blohin V.V. Istoricheskaya kontsepsiya Nikolaya Mihailovskogo. М.: Plevel. 2001.
Vasil'eva T.A. Zhurnal "Russkoe bogatstvo" i ideino-politicheskaya evolyutsiya narodnichestva (1876 - 1916 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. М., 1988.
Vasil'eva E.B. Obraz dekabrista v russkoi zhurnal'noi presse kontsa XIX – nachala XX veka: Dis.... kand. ist. nauk. Omsk, 2008.
Vosstanie dekabristov: Dela Verhovnogo ugolovskogo suda i Sledstvennoi komissii. М., 1976. Т.5.
Gavrilov S.V. Nauchnoe nasledie V.I. Semevskogo v sovetskoj istoriograficheskoj traditsii // Izv. Ural. gos. un-ta. Gumanit. nauki. 2006. № 41.
Gornfel'd A.G. "Russkie zhenschiny" Nekrasova v novom osvещenii // Rus. bogatstvo. 1904. № 4. S. 57.
Kireeva R.A. Izuchenie dekabristskogo dvizheniya v dorevoljucionnoy istoriograficheskoj literature // Istorija i istoriki М., 1978.
Korolenko V.G. Legenda o tsare i dekabriste // Rus. bogatstvo. 1911. № 2. S. 124.
Korolenko V.G. Razgovor s Tolstym. Maksimalizm i gosudarstvennost' // Poln. sobr. soch. М., 1953. Т.3.
Kotlyarevskii N.A. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. V.K.Kyuhel'beker // Rus. bogatstvo. 1901. № 3. С. 124.
Kotlyarevskii N.A. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. A.I.Odoevskii // Rus. bogatstvo. 1901. № 9. S. 234.
Kotlyarevskii N.A. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. A.A.Bestuzhev-Marlinskii // Rus. bogatstvo. 1904. № 4. S. 57.
Kotlyarevskii N.A. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. K.F.Ryleev // Rus. bogatstvo. 1904. № 8. S. 44.
Kotlyarevskii N.A. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. K.F.Ryleev // Rus. bogatstvo. 1905. № 7. S. 46.
Kritskii Yu. M. V.I. Semevskiy i tsenzura // Istorija SSSR. 1975. № 1. S. 17.
Lorer N.I. Zapiski dekabrista // Rus. bogatstvo. 1904. № 6. S. 14.
Myakotin V.A. Iz pushkinskoj epohi // Rus. bogatstvo. 1899. № 6. S. 134.
Nevelev G.A. Tema dekabrizma v tvorchestve V.I. Semevskogo // Istorija i istoriki. М., 1975.
Prugavin A.S. Dekabrist F.P. Shahovskoi v Spaso-Efimievskom monastyre // Rus. bogatstvo. 1911. № 1. S. 35.
Semevskii V.I. Oчерki obschestvennyh i politicheskikh idei dekabristov // Rus. bogatstvo. 1907. № 8.
Semevskii V.I. Oчерki sotsial'nyh i politicheskikh idei dekabristov // Rus. bogatstvo. 1908. S. 7.
Semevskii V.I. Oчерki sotsial'nyh i politicheskikh idei dekabristov // Rus. bogatstvo. 1908. № 9. S. 45-111.
Semevskii V.I. Sotsial'nye i politicheskie idei dekabristov. S-Pb., 1909.
Chetvero o nezabyvaemom: memuar'naya proza dekabristov. М.: Pravda. 1988.